

УДК: 433

Автор:

Новикова Д.А ,

1 курс , группа с 151 со,
ДВФ ФГБОУВО «РГУП»,

г. Хабаровск, Россия

Научный руководитель:

Бучко Н.П

Заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических
дисциплин

ХРИСТИАНИЗАЦИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ: ЛОКАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И СОПРОТИВЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТОВ (X–XII ВВ.)

Аннотация: В современных условиях, когда в постсоветском пространстве наблюдается возросший интерес к корням национальной идентичности, изучение исторических нарративов о Древней Руси приобретает особую значимость. Советская историография, сформированная под влиянием идеологических установок, продолжает оказывать воздействие на восприятие этого ключевого периода отечественной истории. Критическое переосмысление унаследованных подходов становится необходимым для формирования более объективного понимания прошлого.

Целью данной работы является систематизация основных этапов и методологических сдвигов в советской историографии Древней Руси, прослеживающая эволюцию от сталинского периода до перестройки. Особое внимание уделяется выявлению механизмов трансформации исторических нарративов под влиянием сменяющихся друг друга идеологических парадигм. Это позволит сформировать более объективное понимание исследуемого периода, свободное от идеологических наслоений.

Ключевые слова: Древняя Русь, Феодальные отношения, историография Древней Руси, Русские государства.

Author:

Novikova D.A.,
1st year, group S 151,
Far Eastern Federal University,
Khabarovsk, Russia

Scientific supervisor:

Buchko N.P.

Head of the Department of Humanities and Social and Economic Disciplines

**CHRISTIANIZATION OF ANCIENT RUS: LOCAL FEATURES
AND RESISTANCE OF TRADITIONAL CULTS (X–XII BB.)**

Abstract: In today's context, where there is a growing interest in the roots of national identity in the post-Soviet space, the study of historical narratives about Ancient Rus takes on particular significance. Soviet historiography, shaped by ideological influences, continues to shape the perception of this pivotal period in Russian history. A critical reevaluation of inherited approaches is necessary to foster a more objective understanding of the past.

Keywords: Ancient Rus, Feudal Relations, Historiography of Ancient Rus, Russian States.

Создание марксистской историографии Древней Руси было обусловлено применением формационной теории и классового анализа в качестве главных методологических инструментов. Советские ученые подходили к изучению истории, рассматривая ее как процесс последовательной смены общественно-экономических формаций. В этом контексте Древнерусское государство было определено как раннефеодальное. Классовая борьба была признана основной движущей силой исторического развития, что кардинально отличало этот подход от предшествующих историографических традиций. Такой взгляд позволял объяснять социальные конфликты и экономические отношения как основу для исторических изменений. Марксистская методология настаивала на изучении производительных сил и производственных отношений как фундаментальных составляющих общественной структуры. Историки анализировали развитие земледелия, ремесла и торговли для определения характера феодальных отношений в Киевской Руси. Утверждалось, что эксплуатация зависимого крестьянства составляла экономическую основу древнерусского общества. При этом формационная схема предписывала строгую последовательность этапов развития, что порой вело к упрощению сложных исторических процессов.

Пересмотр традиционных концепций происхождения Русского государства осуществлялся советскими историками через акцентирование социально-экономических факторов. Норманнская теория, господствовавшая в дореволюционной науке, подверглась критике как идеалистическая и антинаучная. Б.Д. Греков утверждал, что государственность возникла в результате внутреннего развития восточнославянского общества, а не под влиянием варягов. Этот тезис стал краеугольным камнем нового марксистского нарратива, подчеркивавшего автохтонность политических институтов. Производственные отношения рассматривались как определяющий фактор в генезисе государства. Исследователи сосредоточились на анализе процесса

феодализации, включавшего формирование крупной земельной собственности и классовую дифференциацию. В.И. Равдоникас отмечал, что «разложение первобытнообщинного строя и возникновение классов привели к созданию государства как аппарата господства». Такой подход позволил представить возникновение Киевской Руси как закономерный этап социально-экономического развития, соответствовавший марксистской схеме исторического прогресса.

Ранние советские исследователи подходили к изучению социальных конфликтов в Древней Руси с единственной точки зрения – классовой борьбы. Любые народные волнения и восстания трактовались как проявление острого противостояния между феодалами и зависимым крестьянством. Эта методология была продиктована марксистской теорией, которая постулировала неизбежность классовых противоречий в обществах, не достигших социалистического уровня развития. Исторические источники подвергались интерпретации в соответствии с этой установкой. основополагающим аргументом в пользу феодальной природы Древнерусского государства служили идеи, высказанные В.И. Лениным. Советская историография, в свою очередь, расширила временные рамки феодализма, поскольку В.И. Ленин (вслед за Павловым-Сильванским) считал всю историю России феодальной вплоть до конца XIX века. Причины, по которым российские марксисты придерживались такого определения временных границ русского феодализма, заключаются в следующем.

В дореволюционный и пореволюционный периоды Ленин и ряд его сподвижников исходили из того, что любое государство должно быть классовым. Следовательно, Древнерусское государство являлось феодальным, поскольку рабовладельческую формацию оно миновало [11, с.35]». Эта концепция предопределила анализ всех социальных конфликтов как формы классового противоборства.

Феодальные отношения в IX-XII веках исследовались преимущественно через категории земельной собственности и эксплуатации. Советские историки акцентировали внимание на формировании крупного землевладения как основы господствующего класса. Крестьянство рассматривалось как эксплуатируемый класс, лишенный средств производства. Подобная трактовка игнорировала сложность и вариативность древнерусских социальных институтов.

Экономическую структуру Древней Руси характеризовали как систему натурального хозяйства с элементами товарного обмена. Основное внимание уделялось процессу генезиса феодализма, который связывали с разложением первобытнообщинного строя. Советские исследователи подчеркивали закономерность перехода к феодальным отношениям, соответствовавшего марксистской схеме общественного развития. Данный подход оставлял без рассмотрения альтернативные модели экономической организации.

В ранней советской историографии основными объектами критики стали ключевые концепции дореволюционной науки. Особое внимание уделялось норманнской теории, которая рассматривалась как политически вредное учение. Критиковались также традиционные представления о генезисе Древнерусского государства и его социальной структуре. Советские историки настаивали на необходимости пересмотра этих взглядов с классовых позиций.

Критика дореволюционной историографии велась с позиций классового подхода и экономического детерминизма. Советские исследователи подчеркивали идеологизированный характер прежних концепций, обвиняя их в буржуазной ангажированности. Методологическим основанием для такой критики служила марксистская теория общественно-экономических формаций. Особенно резкой критике подвергались взгляды историков, отрицавших существование феодализма на Руси. Характерным примером служит отношение к работам дореволюционных ученых. Как отмечается в источниках: «Однако дореволюционные российские историки в большинстве своем отрицали «русский феодализм». Сам термин «феодализм» крайне редко встречается в их

трудах. Даже знаменитый историк русского права М.А. Дьяконов — современник трех русских революций — избегал этого термина, то же самое касается В.О. Ключевского. Русские историки-эмигранты также скептически относились к «русскому феодализму» [11, с.33]». Данная позиция расценивалась как проявление буржуазного идеализма.

На основе критики прежних подходов советская историография сформировала новые исследовательские парадигмы. Центральное место в них заняло материалистическое понимание истории с акцентом на примат производственных отношений. Утверждалась концепция феодальной формации как универсальной стадии развития, через которую прошла и Древняя Русь. Это позволило создать целостную марксистскую интерпретацию древнерусской истории.

В послевоенный период советская историография Древней Руси претерпела значительную трансформацию. Наблюдалось смещение исследовательского интереса от классовой борьбы и социально-экономических отношений к изучению государственных институтов Киевской Руси. Данная тенденция отражала стремление к демонстрации преемственности между древнерусской государственностью и советской системой. Акцентирование внимания на государственных структурах позволяло обосновывать тезис о закономерном формировании сильной централизованной власти. В этом контексте показательными являются работы Б.Д. Грекова, который постулировал возникновение древнерусского государства как результат внутреннего развития восточнославянских племен, тем самым подкрепляя концепцию преемственности государственных традиций. Патриотический компонент в изучении Древней Руси значительно усилился в послевоенные годы. Древнерусская государственность стала трактоваться как символ военной мощи и политической самостоятельности. Историки подчеркивали способность Руси противостоять внешним угрозам, особенно в контексте недавней победы в Великой Отечественной войне. Особое значение

приобрела тема борьбы с иноземными захватчиками, которая служила примером героизма предков. Исследователи акцентировали роль княжеской власти в организации обороны и сохранении суверенитета. Такая интерпретация укрепляла патриотические чувства и подчеркивала историческую роль сильного государства в защите национальных интересов.

В советской историографии послевоенного периода Киевская Русь активно использовалась как историческое обоснование концепции 'братских народов'. Данная концепция подчеркивала единство восточнославянских этносов – русских, украинцев и белорусов. Она служила идеологическим фундаментом для обоснования их совместного существования в рамках СССР. Таким образом, древнерусское государство представлялось колыбелью трех братских народов. Советские историки отрицали внешние факторы формирования древнерусской государственности, акцентируя ее автохтонное развитие. Например, отвергалась норманнская теория происхождения государства. Как отмечалось в одной из работ: «Но советская историография отрицала сам факт «призвания варягов», трактуя его как легенду [11,с.40]». Это позволяло подчеркнуть внутреннее единство и самостоятельность восточных славян с древнейших времен.

Общая культурная основа Киевской Руси рассматривалась как важный инструмент формирования надэтнического советского национального самосознания. Единые корни языка, письменности и правовых норм служили доказательством исторической общности. Этот подход способствовал созданию представления о непрерывности исторического развития от древнерусского государства к современности. Акцент на культурном единстве древнерусской эпохи позволял нивелировать этнические различия между восточными славянами в советский период. Такая интерпретация истории поддерживала идею формирования новой исторической общности – советского народа. Культурное наследие Киевской Руси стало важным элементом патриотического воспитания и укрепления государственного единства.

Послевоенная советская историография активно использовала героизацию исторических фигур для формирования патриотического сознания. Образы князей Александра Невского и Дмитрия Донского стали центральными в создании пантеона защитников Отечества. Этот процесс был направлен на воспитание граждан в духе преданности государству. Идеологическая функция таких нарративов заключалась в укреплении национального единства. Создание культа национальных героев отвечало потребностям послевоенного общества в моральном подъеме. Исторические исследования сознательно акцентировали подвиги князей в борьбе с внешними врагами. «Созданное во время войны живописное полотно воплотило единственную ипостась князя – защитника Отечества, что отразилось на более поздних памятниках [6, с.110]». Данная тенденция способствовала консолидации советского народа вокруг идеи величия исторического прошлого.

Реконструкция образов Александра Невского и Дмитрия Донского в послевоенный период основывалась на подчеркивании их воинской доблести и политической мудрости. Эти качества представлялись как вневременные идеалы для подражания. Историография сознательно мифологизировала биографии князей, выделяя их роль в защите русских земель. Такой подход соответствовал задачам государственной пропаганды. Художественные интерпретации существенно влияли на восприятие исторических персонажей в массовом сознании. «Другим важным моментом стало буквально портретное сходство памятника из Переславля с актером Н. К. Черкасовым. Объяснить это возможно двумя моментами: во-первых, образ, созданный актером в кинофильме, в сознании общества к тому времени, действительно, «совпадал» с реальным Александром, а с другой – именно этот облик национального героя (в виде профиля «киношного» князя) был запечатлен на государственной награде – Ордене Александра Невского, потому скульптор априори страховался от обвинений в возможных политических ошибках [6,с.110]». Данный факт иллюстрирует механизмы формирования официального канона.

Под сенью брежневской эпохи изучение Древней Руси оказалось в плену марксистско-ленинской методологии. Исторические процессы представляли в виде упрощенных схем, где все объяснялось через призму классовой борьбы и формационного развития. Исследователи, словно под диктовку, интерпретировали события, не имея возможности обратиться к иным исследовательским инструментам. Историография превратилась в арену для подтверждения идеологических догм. Формационная теория, применяемая как незыблемый закон, привела к искаженному представлению о древнерусском обществе, где господствовали феодализм и классовые противоречия, а другие грани жизни оставались в тени. Это мешало увидеть полную картину, включающую культурные и политические нюансы. В итоге, научные работы того времени стали похожи друг на друга, лишённые свежих идей и оригинальных взглядов.

Идеологический контроль существенно ограничивал доступ исследователей к архивным материалам по древнерусской истории. Многие документы оставались закрытыми для изучения из-за их потенциального несоответствия официальной трактовке прошлого. Это сужало источниковую базу и препятствовало всестороннему анализу исторических процессов. Учёные вынуждены были опираться на узкий круг разрешённых к использованию источников. Цензура и идеологический надзор определяли содержание публикуемых исследований по истории Древней Руси. Работы, предлагавшие неортодоксальные трактовки или ставившие под сомнение устоявшиеся концепции, не допускались к публикации. Это ограничение приводило к однообразию в историографии и тормозило развитие научной мысли. Таким образом, идеологические барьеры стали серьёзным препятствием для прогресса в изучении древнерусского периода.

Политика перестройки, инициированная во второй половине 1980-х годов, создала предпосылки для критического переосмысления методологических основ советской историографии Древней Руси. Ослабление идеологического

контроля и провозглашение гласности позволили историкам обсуждать ранее табуированные темы. Это привело к постепенному отходу от догматических трактовок и открыло возможности для внедрения новых исследовательских подходов. Пересмотр устоявшихся концепций стал возможен благодаря изменению политического климата в стране.

Критика формационного подхода стала ключевым направлением в переоценке методологии изучения Древней Руси. Исследователи начали подвергать сомнению универсальность пятичленной схемы общественного развития применительно к древнерусскому обществу. Данный подход позволил пересмотреть трактовку социально-экономических отношений, господствовавшую в предшествующий период. Возникли дискуссии о степени развития феодализма в Киевской Руси. Анализ экономических структур показал недостаточность прежних классовых интерпретаций для понимания специфики древнерусского общества. Историки обратили внимание на существование различных форм собственности и социальной организации, не укладывавшихся в формационную модель. Это способствовало более дифференцированному изучению хозяйственных практик и общественных отношений. Пересмотр коснулся также оценки роли общины и вотчинного хозяйства.

Появление альтернативных концепций способствовало реабилитации ранее запретных тем в изучении древнерусской истории. Историки получили возможность открыто исследовать такие проблемы, как роль личности в истории и значение религиозного фактора. Стали публиковаться работы, в которых переосмысливалось влияние монгольского нашествия на развитие русских земель. Расширение тематического диапазона исследований привело к формированию более многомерной картины прошлого.

В условиях гласности произошёл существенный пересмотр оценки монгольского ига в истории Руси. Если в предшествующий период доминировала концепция «абсолютного зла», то теперь исследователи начали

анализировать его системное влияние. Внимание акцентировалось на политических и социальных процессах, стимулированных или видоизменённых в результате ордынского господства. Такой подход позволил выйти за рамки морализаторских суждений. Анализ воздействия монгольского ига стал включать рассмотрение его роли в формировании централизованного государства. Исследователи указывали на определённые институциональные заимствования и трансформации в системе управления. Подчёркивалось, что отношения с Ордой не сводились исключительно к разрушительным последствиям, но включали сложные взаимодействия. Это способствовало более объективному пониманию исторической динамики.

Феодалная раздробленность получила новую интерпретацию как сложный многофакторный процесс. Исследователи эпохи гласности отказались от её трактовки исключительно через призму экономического базиса и классовой борьбы. Вместо этого акцент сместился на политико-культурное разнообразие древнерусских земель. Как отмечается в исследованиях, «главное, что такой взгляд позволяет рассмотреть сообщество профессиональных историков не как нечто безлико серое, но как сложную комбинацию различных групп и личностей, с их стратегиями научного творчества и поведения в рамках корпорации».

В изучение древнерусской истории начали активно внедряться междисциплинарные подходы и сравнительно-исторические методы. Историки обратились к опыту смежных наук, что обогатило методологическую базу исследований. «Одним из знамений времени стало применение историко-антропологического подхода (история ментальности, история повседневности, психоистория и т.д.)». Это позволило рассматривать ключевые проблемы через призму более широкого контекста и разнообразных факторов.

Выбор методологических подходов к изучению истории Древней Руси в советский период находился под определяющим влиянием политических установок. Это влияние проявлялось в подчинении исторических исследований

классовому анализу, который являлся краеугольным камнем марксистско-ленинской доктрины. Октябрьская революция, совершенная под знаменем марксизма, стала катализатором распространения ленинских исторических концепций. Успех марксизма на политической арене способствовал его превращению в государственное учение, защищенное идеологической цензурой. В результате, статус марксизма как официальной идеологии predetermined его доминирование в исторической науке. Историки оказались вынуждены применять принципы классовой борьбы и формационного подхода ко всем периодам русской истории, что означало подчинение исследовательских задач политическим целям государства. Требование соответствия научных работ установленным идеологическим рамкам неизбежно ограничивало объективность исторического анализа. Марксистско-ленинская парадигма акцентировала социально-экономические аспекты развития древнерусского общества, игнорируя культурные и религиозные факторы. Классовая структура и производственные отношения рассматривались как основные движущие силы исторического процесса. Религиозные институты и духовная жизнь общества трактовались как надстройка над экономическим базисом. Такой подход приводил к упрощённому пониманию сложных исторических явлений.

Идеологический контроль проявлялся в избирательном использовании источников и реинтерпретации событий для обоснования прогрессивного развития к социализму. Исторические факты, не соответствующие марксистской схеме, замалчивались или подвергались тенденциозному истолкованию. Целенаправленная селекция источников служила целям конструирования линейного нарратива о движении от феодализма к коммунизму. Данная практика демонстрирует подчинение исторической науки политическим задачам советского государства.

Советский опыт изучения Древней Руси наглядно демонстрирует, как идеологическая ангажированность может приводить к систематическим

искажениям исторического знания. Анализ методологических оснований исторического исследования позволяет выявить концептуальные ошибки, обусловленные политическими установками. Постоянная рефлексия исследовательских подходов выступает необходимым условием преодоления таких искажений. Это способствует формированию более объективного понимания прошлого. Примером служит целенаправленное использование исторических нарративов для создания политических мифов, что подробно проанализировано в исследованиях советской историографии. Как отмечается в научной литературе: «Таким образом, междисциплинарный анализ «Краткого курса» приводит к мысли, что использование указанных ресурсов риторики и поэтики носит в нем не случайный, но целенаправленный характер, превращающий историческое письмо в способ создания глобального политического мифа [1, с.168]». Данный подход подчеркивает необходимость методологической бдительности при работе с источниками.

Критическое осмысление историографических традиций позволяет современным исследователям выявлять скрытые идеологические установки, заложенные в предыдущих интерпретациях древнерусской истории. Такой анализ создает предпосылки для преодоления монопарадигмальности, характерной для советского периода. Он открывает возможности для применения разнообразных методологических подходов к изучению прошлого. Многопарадигмальное исследование древнерусского общества способствует формированию более сложной и многомерной картины исторического развития. Это позволяет избежать упрощений и односторонних трактовок, характерных для идеологизированной науки. Современная историография получает возможность непредвзято анализировать такие явления, как феодальная раздробленность или влияние монгольского ига.

Советская историография Древней Руси претерпела значительные изменения, начиная с 1920-1930-х годов, когда доминировал строгий классовый подход в духе раннего марксизма. Эта первая фаза характеризовалась стремлением

переосмыслить прошлое сквозь призму социально-экономических отношений и антагонизмов, что привело к формированию специфических нарративов, критиковавших 'буржуазные' концепции. Установленные тогда идеологические рамки заложили основу для последующих интерпретаций, демонстрируя изначальную обусловленность исторической науки политическими задачами.

Послевоенный период ознаменовался сдвигом в сторону акцентирования государственности и национальных мотивов, что отражало потребность в укреплении единства советского общества. Исторические фигуры, такие как Александр Невский и Дмитрий Донской, были героизированы, а Киевская Русь стала рассматриваться как фундамент концепции 'братских народов'. Эта трансформация показала, как исторические нарративы адаптировались к новым идеологическим запросам, отходя от первоначальных марксистских догм.

При Брежневе историческая наука топталась на месте, зажатая в тиски догматизма и лишенная свежих методологических идей. Перестройка же стала глотком свежего воздуха, побудив историков к смелому пересмотру таких краеугольных камней прошлого, как монгольское нашествие и феодальная раздробленность. Когда идеологический пресс ослаб, исследователи смогли предложить более тонкие и многогранные взгляды на историю, проложив дорогу к деидеологизации науки и разрушению старых, изживших себя схем.

Из анализа советского опыта вытекает ключевой методологический урок: историкам необходимо постоянно рефлексировать над своими инструментами, критически анализируя источники и избегая предвзятых концепций. Признание многогранности исторических процессов позволяет преодолеть наследие идеологизированных подходов и формировать более объективное понимание Древней Руси, что особенно важно для современной науки.

Современные исследования должны развивать комплексные подходы, объединяя анализ социально-экономических структур, культурных

особенностей и внешних влияний вне политической конъюнктуры. Такой путь способствует формированию объективной научной парадигмы, что имеет особое значение для осмысления истоков национальной идентичности в постсоветских странах, позволяя преодолеть фрагментарность унаследованных исторических нарративов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнаутов Н.Б. Мифология «краткого курса истории вкп(б)»: историографический аспект // Вестник НГУ. Серия: История, филология. — 2009. — №1. — С. 166–168.
2. Байбакова Л.В., Ватлин А.Ю., Тырсенко А.В. История исторической науки. Историография истории нового и новейшего времени стран Европы и Америки. — Москва: 11 Формат, 2010. — 98 с.
3. Зуева Л.А., Кускова Е.Г., Анджан П.Л. Русь расправляет крылья: историко-библиографический очерк, посвященный 535-летию освобождения руси от монголо-татарского ига. — Куйбышев: МКУК «ЦБС», 2015.
4. Карпюк С.Г. «Советская древность»: люди, учреждения, книги и наука о древности в СССР. — Москва: ИВИ РАН, 2021. — 494 с.
5. Костриков С.П., Казарова Н.А., Селезнева Л.В. Эволюция древнерусского государства после татаро-монгольского ига // Человеческий капитал. — 2023. — №7. — С. 21–25.
6. Костыря М.А., Соколов Р.А. Историческая память об александре невском: скульптурная визуализация // ПРАЕНМА. — 2021. — №1. — С. 95–123.
7. Лачаева М.Ю., Рогожин Н.М., Наумова Г.Р. Историография истории России до 1917 г. — М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 2004. — 383 с.
8. Логвинов М. Историческая политика на постсоветском пространстве, или: На восточном фронте без перемен // Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры - Русское издание. — 2009. — №1. — С. 275–278.

9. Мегем М.Е. «Натиск на восток» в советском историческом дискурсе // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. — 2010. — №12. — С. 78–84.
10. Писарчик Т.П. История русской философии (Часть 3): методические указания для студентов специальности 020100 «философия». — Оренбург: ГОУ ОГУ, 2007. — 29 с.
11. Попов Г.Г. Дискуссии о характере социально-экономического развития средневековой руси в отечественной и зарубежной науке XX в // Историко-экономические исследования. — 2008. — №2. — С. 33–37.
12. Тихонов В.В. Советская историческая наука в новейших отечественных исследованиях: новые подходы и перспективы // Будущее нашего прошлого. Материалы Всероссийской научной конференции. — Москва, 2011. — С. 241–248.
13. Фокин А., Козлов Д. Витязь на распутье: российские исследования памяти на рубеже 2010–2020-х годов // Laboratorium: журнал социальных исследований. — 2023. — №1. — С. 75–99.

Автор: Новикова Дарья Алексеевна- студент Дальневосточного филиала Российского государственного университета имени В.М. Лебедева, Хабаровск, Россия.

Научный руководитель: Бучко Николай Петрович- заведующий кафедры государственных социально-экономических дисциплин Дальневосточного филиала Российского государственного университета, Хабаровск, Россия.